

«Русские беседы» Андрея Тесли: новые разговоры с любимыми собеседниками

ТЕСЛЯ А. А. (2018). РУССКИЕ БЕСЕДЫ: ЛИЦА И СИТУАЦИИ. М.: РИПОЛ КЛАССИК. 512 С. ISBN 978-5-386-10404-7

Мария Марей

Кандидат философских наук, ответственный секретарь журнала
«Философия. Журнал Высшей школы экономики»
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: mdyurlova@hse.ru

Сборник «Русские беседы: лица и ситуации» — это очередной плод продуктивного сотрудничества ранее хабаровского, а ныне калининградского историка и философа Андрея Александровича Тесли и издательства «РИПОЛ классик». Ранее это издательство уже выпустило несколько книг в сериях «Перекрестья русской мысли» и «Вехи», идейным вдохновителем которых также был А. А. Тесля, помимо прочего, написавший к каждому вышедшему тому внушительную вступительную статью. В предисловии к одному из сборников он отметил, что в планах издательства выпускать избранные тексты русских и российских (по подданству, а не по самоидентификации) авторов: «философов, историков и публицистов, имеющих определяющее значение для выработки языка, понятий и формирования существующих по сей день образов, посредством которых мы осмысляем и представляем себе Россию/Российскую империю и ее место в мире»¹. Таким образом, одной из задач этих проектов становится преодоление стереотипного восприятия как хорошо известных широкой общественности интеллектуалов XIX — начала XX века, так и тех, кого мы сейчас знаем гораздо хуже, чьи имена знакомы в основном специалистам по истории общественной мысли.

Сборник «Русские беседы», представляющий собой серию очерков, заметок и рецензий, продолжает эту задумку. Собранные здесь тексты уже были опубликованы ранее, однако сейчас, под одной обложкой, они представляют собой любопытную мозаику: в каждом из них внимание автора обращено к одному или нескольким персонажам, и общий контекст эпохи очерчивается исходя из их воззрений, интеллектуальной эволюции, общественного положения и т. д. Движение мысли автора идет от конкретного, от человека — в попытке показать, что

© Марей М. Д., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-333-337

1. Герцен А. И. (2017). «Наши» и «не наши»: письма русского / Под ред. А. А. Тесли. М.: РИПОЛ классик. С. IV.

«общее», «очевидное», «исторический контекст эпохи» для этих персонажей могли не совпадать. В предисловии Тесля проговаривает важную для понимания общей концепции сборника идею: «Даже если ограничиваться лишь сферой интеллектуальной истории, русский XIX век никак не может быть сведен без невосполнимых потерь к одной или даже нескольким четко прочерченным линиям развития [выделено нами. — М. М.]. Они существуют, разумеется, и хорошо известны (например, когда речь заходит о переходе «от романтизма к реализму» или от дворянской к разночинской культуре), но это движение неравномерно и, что важнее, не едино для разных групп и сообществ. Так, ориентируясь на литературные петербургские образцы 1840-х, не получится представить себе эстетические воззрения харьковчан тех же лет: они живут в другом времени, но дело не только в отставании — ведь при этом они сами знают об этой рассинхронизации и, следовательно, переживание ими «современности» включает и подобное знание. В других случаях, напротив, взгляды, вырастающие из дискуссий, давно вроде бы «пережитых» и «изжитых» в центре, возвращающиеся в него, оказываются новыми, производят неожиданные последствия — уже в силу того, что контекст, из которого воззрения вышли, и контекст, в который они попали, принципиально различны» (с. 5–6).

Эта серия очерков, не претендуя на последовательное изложение русской интеллектуальной истории XIX — начала XX века, дает возможность подробно поговорить о тех сюжетах, которые часто или остаются на периферии привычного говорения о значимых для той эпохи сюжетах, или трактуются исходя из «официальной версии» русской истории.

Тесля предлагает вспомнить об эволюции или, напротив, неизменности взглядов П. Я. Чаадаева, об истории публикации первого «Философического письма к даме» и реакции на него людей из близкого круга знакомых автора и официальных лиц; об идейной схожести и несхожести тех, кого называли «русскими консерваторами», и о том, почему К. П. Победоносцев — тоже консерватор, но совсем иного толка, чем, например, славянофилы; об издательской деятельности и проекте истории русского народа Н. А. Полевого; о замечательных представителях славянофильского и близкого к ним круга; о земской работе Д. Н. Шипова, которая была для него наилучшим воплощением его политических идей. Эти люди и их собеседники часто и много говорят «своим голосом», когда автор цитирует их письма, дневники, воспоминания и публицистику.

Все это позволяет показать, с одной стороны, их уникальность, значимость и необычность, бережно выделяемую автором, а с другой стороны, их типичность, связь со своим временем, эпохой, средой, обусловленность воспитанием, образованием, сословной принадлежностью, служебным положением, личными и семейными связями — словом, всем тем, что формировало и составляло значимую часть личности образованного человека XIX и начала XX века. Описывая это время, можно говорить о дворянской культуре и о разночинстве, о кружках — литературных или политических, — о народовольцах и революционерах, о славянофилах и западниках, о земском движении, о Великих реформах, об этосе профес-

сионального чиновничества и т. д. Однако если отказаться на время от повторения привычных характеристик (в общем-то, верных, однако несколько стершихся от долгого употребления), вполне ожидаемо окажется, что за общественными движениями, нарождающимися политическими партиями, знакомыми из учебников по русской истории, литературе и философии событиями, которые кажутся настолько известными, что излишне пересказывать их еще раз, можно попытаться увидеть людей — настоящих, живых, — а не затертые бесконечными повторениями биографии.

Задачу сборника Тесля видит именно в этом: показать возможность смены оптики при взгляде на давно и хорошо знакомых персонажей, но, кроме того, и в том, чтобы за первым рядом известных и блестящих интеллектуалов найти тех, кто не менее интересен, кто не меньше видел и понимал о своем времени, но почему-то остался незаслуженно забыт или раз за разом оставался вне фокуса пристального внимания исследователей, получая место лишь в примечаниях, указателях имен и среди перечисленных по необходимости членов семьи или участников земского собрания.

Умение показать этих самых людей, приблизить их к нам (или нас к ним), дать возможность рассмотреть детали, несомненно, является сильной стороной книги. И очерковость, фрагментарность изложения, на которую сетует автор в предисловии, здесь скорее достоинство — если не ждать от этого сборника цельного, единого повествования.

Само заглавие — «Русские беседы» — отсылает к славянофильскому периодическому изданию, выходившему в Москве с 1856 по 1860 год. Это не продолжение славянофильских диспутов, но отчасти беседа о самом славянофильстве: о «лицах и ситуациях», о тех «положительно прекрасных русских людях» (с. 254), о которых Тесля написал уже две книги и множество статей. Споры тех лет давно утратили остроту и актуальность, однако сами персонажи остаются интересными. И не только своими идеями, политической и общественной значимостью, «местом в истории», но и сами по себе, ведь памятование не обязано быть утилитарным, а память о прошлом не едина и не обязательно дает одну-единственную, «правильную» историю».

Память, памятование, история (семейная и частная, народов и государств), забвение, сложное сочетание нарративов, несводимость исторических описаний и бытописаний друг к другу — эти темы также постоянно звучат в текстах. Во введении Тесля не пишет о том, почему эти темы так значимы для него лично, ограничиваясь следующим теоретическим пассажем: «Множественность памятей не составляет проблемы, например, для традиционного или раннемодерного европейского общества, поскольку это память разных групп и сообществ, в том числе и тех, к которым принадлежит индивид (единство его памяти утверждается в довольно ограниченном объеме — требуемом исповедью, где выстраивается «личность» и возникает отграничение «интимного» от «частного», как противостоящего «публичному»)»... «Большие нарративы» не столько конкурируют, сколько

сосуществуют друг с другом — формируемые духовенством (в виде непрерывности священной истории, переходящей в историю церкви, чтобы завершиться апокалипсисом) и светской администрацией (выстраивающей последовательность по образцу галереи, как это впервые подробно рассмотрел Арьес: последовательность персон, портретов, каталога и биографий образует цепь «мест памяти», которая затем перейдет, например, от «Царского титулярника» к суворинским и сытинским брошюрам). Однако между ними редок конфликт — уже в силу того, что каждая из этих «памятей» принадлежит своему сообществу и «припоминается» применительно к нему» (с. 11-12). Однако если история в представлении автора — это «сознающее себя искусство памяти» (с. 13), то каждый текст сборника снова и снова обращает нас к истории и историям тех, кто писал о России, ее прошлом, будущем, и тех, в чьих руках было это будущее:

к историософии Чаадаева, интересную трактовку которой предлагает автор, представляя Петра Яковлевича как рано сформировавшегося мыслителя, ранние и зрелые теоретические построения которого только внешне противоречат друг другу;

к размышлениям о русской истории, прошлом и будущем России у консерваторов разного толка, к тому, как они мыслили себя «русскими», «православными», к их национальным проектам;

к славянофилам Ю. Ф. Самарину и Д. Н. Шипову, практическая деятельность (одного в деле подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 года, другого в Московской губернской земской управе), которых была, может быть, даже более значима, чем то, что они писали;

к «дамскому кругу» славянофильства, который, несмотря на свою непубличную роль, был очень значим для выстраивания сети контактов и влияний при дворе, к семейным связям, которые зачастую оказывались ключевыми для вхождения в этот круг — в гораздо большей степени, чем, например, идейная близость;

к политическим взглядам К. П. Победоносцева, которые, в изложении автора, оказываются не такими банально-реакционными, какими их часто представляют, — а сам он оказывается интереснейшим персонажем, наблюдателем, последовательным консерватором, действия и взгляды которого выглядели парадоксальными именно в силу последовательного, доведенного до логического предела консерватизма;

и ко многим другим сюжетам, которые сложно, да и не очень осмысленно пересказывать.

В отзыве, приведенном на обложке книги, Святослав Каспэ, один из рецензентов книги, написал, что «это травелог — хроника личных странствий автора среди античных руин и записи разговоров (собственно, бесед) со встреченными им тенями». Вероятно, это так, и личное, субъективное отношение автора к его персонажам очень чувствуется — и, возможно, именно им он руководствовался при выборе текстов, которые вошли в сборник.

Однако здесь нам кажется уместным обратиться еще и к словам одного из уже упоминавшихся персонажей книги — Ю. Ф. Самарина, — который, отвечая на упрек И. С. Аксакова в том, что он занят делом, несоразмерным его силам и дарованию (мелочами городского управления, обучению грамоте крестьянских детей и т. д.), писал: «Странно мне, что ты, в один голос с другими, повторяешь мне всякий вздор вроде того, что уж теперь довольно, дело сделано, что это все пустяки и мелочь, что другие не хуже меня доделают что нужно, что я могу делать другое, лучшее и т. д. Убедись ты в одном: дело только тогда идет хорошо, когда тот, кто к нему приставлен, по своей подготовке и по своим способностям стоит несколько выше своего призвания. Только при этом условии можно вести дело к лучшему и поднимать всю свою обстановку» (с. 224). В этом сборнике собраны очерки о людях, для которых понятия долга и призвания — не пустые слова, которые умели видеть в повседневном не только рутину, а в быте — скуку, которые понимали важность исполнения своих обязанностей, даже если обстоятельства требуют заниматься мелкой и внешне не очень значимой работой, результаты которой (опять же для внешнего наблюдателя) малы или незначительны. Практически каждый из этих персонажей — «положительно прекрасный русский человек», кроме того, отлично владеющий словом. С такими и побеседовать приятно. Пусть и заочно.

“Russian Talks” by Andrey Teslya: New Talk with Favorite Companions

Maria Marey

PhD in philosophy, executive secretary of *Philosophy: Journal of Higher School of Economics*

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: mdyurlova@hse.ru

Book review: Andrei Teslya. *Russian Talks: Faces and Situations* (Moscow: RIPOL klassik, 2018).